

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

«LE MESSENGER»

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редактор: И. В. Морозов.

Редакционная коллегия: К. А. Ельчанинов, Н. А. Струве (Франция);
прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская (Америка).

СОДЕРЖАНИЕ:

1. От Редакции	1
2. О Святом Духе — св. Григорий Богослов	2
3. Троица Андрея Рублева — проф. гр. В. П. Зубов	3
4. Памяти П. Б. Струве — прот. В. Зеньковский	9
5. Из воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве — С. Л. Франк	10
6. О детях — свящ. А. Семенов Тянь-Шанский	14
7. Град Константина (Стихотворение) — М. Б.	18
8. Церковь в Советской России	19
9. Библиография	
✓ а) Проф. И. А. Ильин «Аксиомы религиозного опыта» — С. Ш.	23
✓ б) С. Г. Пушкирев «Обзор Русской Истории» — Александра Петрункевич	25
✓ в) Прот. А. Шмеман «Исторический путь Православия» — И. Ф. Мейендорф	27
г) «Istina» — Н. С.	28
10) Хроника	
а) Миссионерские поездки	29
б) Жизнь Движения во Франции	30
в) Жизнь Движения в Америке	32

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ВЕСТНИК. (6 номеров в год).

Во Франции: подписная плата на год — 500 фр. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. С.С.Р., Paris 2441-04.

В Америке: Mrs. T. Lukkanen. 225 West, 99th Street, New-York 25, N.-Y. U.S.A.,

San-Francisco: Miss Olga Raevsky. 408 North Street, Oakland 9, Calif. U.S.A.

Подписная плата на год — 2 доллара.

Адрес редакции:

Monsieur J. Morosov, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15° (France).

Издание Русского Студенческого Христианского Движения за Рубежом.

ОТ РЕДАКЦИИ

ДНИ ПАСХИ

Пасхальные службы всегда оставляют в душе неизгладимое впечатление, — в них заключено какое-то откровение, от них исходит особый свет, который проникает в душу до последних ее глубин. Мало сказать, что пасхальные службы прекрасны, что они поднимают и волнуют нас, но они сияют каким-то особым вдохновением, и радость, которую они несут, до конца непостижима... Как счастливы мы, что так празднуется у нас «праздников праздник», что среди нашей трудной и суровой жизни нам посылается эта благодать пасхальных переживаний!

Пасха таинственная — гласит одно из пасхальных песнопений; не в том ли смысл этой тайны, что Пасха несет с собой живое видение славы Божьей, непререкаемое чувство Царства Божия? Только из этого можно осмыслить тот священный трепет, с каким мы внимаем пасхальным песнопениям. Господь Иисус Христос становится столь близким нам, что вся душа исполняется чувства Его присутствия. Он с нами, Он в нас, Он во всех, кто открывает ему свое сердце. Свет Пасхи — от Господа, радость ее — от Него же. Можно умом не уразумевать этого, но сердце полно этими чувствами и ищет излить свое ликование в братских приветствиях.

Среди тусклой нашей обыденщины посылается нам в Пасхе эта радость, это ликование, чтобы укрепить нас и дать новые силы для жизни.

«Сей день, его же сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся в оный!»

СВОЕВРЕМЕННОЕ НАЧИНАНИЕ

«... и начали говорить на других языках»
(Деян. Ап. 11:14).

С Фомина Воскресенья, в нижнем храме Александро-Невского Собора в Париже началось служение Литургии на французском языке. Следует ли говорить насколько своевременно и полезно это начинание? Вспомним только что русская немка бар. фон-Раден писала Ю. Ф. Самарину под впечатлением служения Литургии на родном ей немецком языке:

«Вы русские, в сущности, никогда не поймете какое это производит впечатление. Я знаю Литургию наизусть, но мне трудно

БИБЛИОТЕКА-ФОНД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

1

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4006238 к12

даже передать, что я ощутила, когда услышала эти так хорошо знакомые мне молитвы, сказанные на языке, на котором я мыслю, который является самым глубоким выражением моей внутренней жизни... Собравшиеся вероятно могли понять и русскую службу, но слышать вечные истины, огненные истины, произнесенные на языке, на котором лепетало ваше детство, мыслила ваша юность, вот, что вас пронзает, как жизнь вашей жизни».

Будем надеяться, что не только в Париже, но, по мере надобности, и во всех местах православного рассеяния, будут организовываться богослужения на языке местного населения, ради тех, кто забыли или никогда не знали языка своих предков, а так же ради иностранцев, приходящих к Православию, как к источнику всякой Истины и всякой Правды.

О СВЯТОМ ДУХЕ

Из слов Григория Богослова (IV в.).

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог, и меня в той жизни творит богом. Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что один благой Сын у единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

Дух Святой всегда был, и есть, и будет; Он не начал и не прекратит бытия, но всегда со Отцем и Сыном вчиняется и счисляется. Ибо не прилично было или Отцу когда-либо быть без Сына, или Сыну без Духа: крайне было бы бесславно для Божества, как бы вследствие изменения Своих советов придти в полноту совершенства. И так Дух всегда был приемлемым, а не приемлющим; совершающим, а не совершаемым; наполняющим, а не наполняемым; освящающим, а не освящаемым; приводящим к обожению, а не вводимым в обожение. Он всегда один и тот же. Сам для Себя и для Тех, с которыми счиняется; невидим, не подлежит времени, невместим, неизменяем, не имеет ни качества, ни количества, ни вида, неосязаем, самодвижен, приснодвижим, свободен, самовластен, всесилен (хотя, как все принадлежащее Единородному, так и все принадлежащее Духу, возводится к первой вине); Он — жизнь и животворящ; Он — свет и света Податель; Он — источник благодати и источник благодати; Он — Дух правый, владычный (Пс. L: 12, 14), Господь (2 Кор. III: 17), посылающий (Деян. XIII: 4), отделяющий (Деян. XIII: 2), созидающий Себе храм (Кол. II:

22), наставляющий (Иоанн XVI: 13), разделяющий дарования, как Ему угодно (I Кор. XII: 11), Дух усыновления (Рим. VIII: 15), истины (Иоанн XIV: 17), премудрости, разума, ведения, благочестия, совета, крепости, страха (Ис. XI: 3-4). Чрез Него познается Отец и прославляется Сын (Иоанн XVI: 11), и Сам Он ими одними знаем, единое счисление, служение и поклонение, единая сила, единое совершенство и освящение. Но к чему распространяться? Все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну, кроме нерожденности; все, что имеет Сын, принадлежит Духу, кроме рождения. А нерожденность и рождение не сущности различают, по моему мнению, но различаются в одной и той же сущности.

ТРОИЦА АНДРЕЯ РУБЛЕВА.

К пятидесятилетию раскрытия иконы.

1904 год знаменателен в истории изучения древне-русского искусства; в этом году реставраторами В. Тюминым и А. Израсповым, под наблюдением В. П. Турьянова, по инициативе покойного собирателя и одно время директора Третьяковской Галереи Ильи Семеновича Остроухова была снята пожертвованная Борисом Годуновым золотая риза с иконы Пресвятой Троицы, которую предание приписывало Андрею Рублеву, славному в свое время художнику-иноку конца 14-го и начала 15-го в.

Икона иконы находилась среди местных икон иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевской Лавры, построенного в 1422 г. над гробом преподобного Сергия преемником последнего, преподобным Никоном.

По снятии ризы представилась доска много раз переписанная поверх первоначальной живописи и ничем не отвечающая славе Рублева. О нем, впрочем, никто тогда представления не имел, так как никто никогда его произведений не видел. Все иконы, которые тогдашние знатоки ему приписывали, ничего общего с его творчеством не имели.

Реставраторам пришлось снять несколько слоев живописи раньше чем они добрались до оригинальной иконы. Первые записи видимому восходили к эпохе Годунова. Взорам реставраторов представился памятник искусства, равных которому мы не много знаем в мировой сокровищнице. Это одно из тех творений, форма которых приближается к абсолютному, математическому совершенству. Таков Парфенон, таков купол собора Св. Петра, такова Сикстинская Мадонна. Но в то время как по поводу этих трех произведений мы можем говорить лишь о совершенстве формы, икона

русского мастера будит в нас глубокое религиозное настроение, торжественное ощущение божественного присутствия. Недаром она слыла за чудотворную, недаром в 41-й главе постановлений Стоглавого собора иконы Рублева ставятся в обязательный пример позднейшим иконописцам: «Писати иконописцемъ иконы съ древнихъ преводовъ како греческіе иконописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловущіе иконописцы..., а отъ своего измышленія ничтоже претворяти»¹⁾).

Предание приписывавшее икону Пресвятой Троицы в иконостасе Троицкого собора кисти Рублева находило себе некоторое подтверждение в «Сказании о св. иконописцахъ»²⁾: «Преподобный отецъ Андрей Радонежскій, иконописецъ прозваніемъ Рублевъ, многія святыя иконы написалъ, всѣ чудотворныя... А прежде живяши въ послушаніи у Преподобнаго Отца Никона Радонежскаго. Онъ повеле при себѣ образъ написать Пресвятой Троицы, въ похвалу отцу своему, Св. Сергію Чудотворцу».

Не в пример бесчисленным иконописцам, оставшимися для нас анонимными, имя Рублева было прославлено и среди современников и среди последующих поколений. Мы знаем о его жизни немного, но все же достаточно, чтобы уяснить себе дух его искусства. Да и какие могли быть события в жизни скромного инока, всю ее отдавшего на писание святых икон, в котором видел служение Богу? На Западе, в Италии, у него есть современник схожий с ним по святости жизни и хрустальной чистоте художественного творчества — доминиканский монах Fra Beato Giovanni Angelico da Fiesole. Современники назвали его ангельским, католическая церковь причислила его к лику блаженных; Андрей Рублев, хотя и не канонизован, но во всех древних источниках назван преподобным. От образов Beato веет такой же глубиной наивной веры, как и от творений Рублева.

Мы не знаем года рождения нашего мастера, но, сопоставляя все данные о нем, новейшие историки русского искусства принимают за время его рождения десятилетие между 1360 и 1370 годами. Пострижен он был ранее 1405 г. и в это время он, видимо, был уже признанным мастером своего дела, так как ему поручается ответственная работа по украшению дворцового Благовещенского храма в Московском Кремле, совместно с заезжим славным изографом Феофаном Греком и старцем Прохором с Городца. Время его смерти нам приблизительно известно, источни-

1) См. Стоглав. изд. О. Е. Кожанчикова, СПб. 1863, стр. 128.

2) Рукопись гр. Строганова, см. Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2, СПб. 1861, стр. 379.

ки называют 1427 и 1430 годы. Тогда же скончался и неразлучный друг и «сопостник» его Даниил Черный, тоже иконописец, может быть учитель, а может быть лишь более старший по возрасту сотрудник Андрея. Оба они были иноками Троице-Сергиева монастыря и незадолго до кончины перешли в Спасо-Андроников монастырь в Москве.

Облик этих чернецов-иконописцев обвеян поэтическим преданием. Уже в начале 16-го в. преподобный Иосиф Волоколамский, автор «Отвѣщанія любозазорнымъ и сказанія вкратцѣ о святыхъ отцехъ бывшихъ въ монастырѣхъ иже въ Рустѣй земли сухихъ» пишет: «Митрополитъ Алексѣй, новый чудотворецъ, егда созда два монастыря, Андрониковскій и Чудовскій, и на Андрониковскій монастырь взялъ игумена у Святаго Сергія, блаженнаго Андроника. Бяше же святой Андроникъ великими добродѣтелями сія, и съ нимъ бяху ученицы его Савва и Александръ, и чудни они и пресловущій иконописецъ Даниилъ и ученикъ его Андрей, и ини мнози таковы же, и толико добродѣтель имуще и толико тщаніе о постничествѣ и о иноческомъ жительствѣ, яко имъ божественныя благодати сподобитися и толико въ божественную любовь (sic) преуспѣваши, яко никогда же въ земныхъ упражнятися, но всегда умъ и мысль возносити къ невещественному и божественному свѣту, чувственное же око всегда возводивши, ко еще отъ вѣчныхъ вѣковъ написаннымъ образомъ Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматери и всѣхъ святыхъ. Яко и на самый праздникъ свѣтлаго Воскресенія Христова на сѣдалищахъ сѣдѣяща и предъ собою имуще божественныя и всечестныя иконы, и на тѣхъ неуклонно зряще, божественныя радости и свѣтлости исполняхуся. И не точію на той день тако творяху, но и въ прочая дни, егда живописательству не прилѣжаху. Сего ради Владыка Христосъ тѣхъ прослави и въ конечный часъ смертный. Прежде убо преставися Андрей, потомъ же разболѣся и спостникъ его Даниилъ, и въ конечномъ издохновеніи сый, видѣ свего спостника Андрея во мнозѣ славъ съ радостію призывающа его въ вѣчное оно и безконечное блаженство»³⁾).

После упомянутых работ 1405 г. в Кремлевском Благовещенском соборе, мы узнаем о росписи Успенского собора во Владимире, к которой Даниил Черный и Андрей Рублев приступили 25 мая 1408 г. Приблизительно в 1425/26 годах оба друга по просьбе преп. Никона, уже будучи иноками Андроникова монастыря, украшали собор Троице-Сергиевской Лавры. Рукописное житие Сергия Радонежского говорит: «Умолени быша отъ него

3) См. Чтения в Имп. Общ. Истории и Древностей Российских при Моск. Университете. 1847, № 7, 4 (смесь), стр. 11, 12.

(Никона) чуднии добродѣтельныи старцы и живописцы Даниль и Андрѣя преждепомянутый приснодуховно братство и любовь къ себѣ велику стяжавше и яко украсиша подписаніемъ церковь сію вконецъ своего богоугоднаго житія блаженнаго».

Наконец последней, повидимому, совместной работой друзей была роспись церкви Андроникова монастыря. В «Книгѣ о Святыхъ»⁴⁾ находим: «Преподобнии отцы Андрей Рублевъ и Даниль Черный, спостникъ его, иконописцы славнии, престаившася въ лѣто 6938, положены въ монастырѣ Андрониковѣ и ту писаша церковь».

Удивительно, что Даниил и Андрей, о которых источники почти всегда говорят как о двух неразлучных сотрудниках, в памяти последующих веков обрели совсем различные судьбы. В то время, как слава Рублева растет, имя Даниила меркнет, в 17 в. никто о нем не помнит, и лишь современная нам художественно-историческая наука воскресила его из забвения.

Раскрытие иконы Пресвятой Троицы в 1904 г. не надолго вернуло ее нашему любованию. Во-первых, расчистка не была радикальной и сохранились некоторые следы реставрации эпохи Годунова, во-вторых, икона была опять густо заолифлена, покрыта прежней ризой и водворена на свое место в иконостасе Троицкого собора и лишь после революции, в 1919 г. новая, на этот раз полная расчистка явила ее во всей ее красоте. Правда, время и записи не прошли для нее бесследно, некогда гораздо более яркие краски поблекли, приобрели как бы пастельные тона, чрезвычайно приятные на наш современный вкус, но не вполне отвечающие замыслу ее творца.

Изображение Троицы под образом трех ангелов посетивших Авраама под дубом Мамврийским было обычно в восточной церкви и до Рублева, как и вообще иконография различных священных изображений была закреплена и традиционно передавалась от поколения к поколению. Художник, если он был творцом, а не копистом, мог изменять трактовку, но не содержание. Рублев не составляет исключения из этого правила. Но именно те изменения, которые он, в пределах ему дозволенных, внес в композицию, являют нам всю меру его художественного чутья. На иконе мы видим трех ангелов на фоне скалистого пейзажа сидящих у стола. На прежних изображениях вокруг гостей хлопотали Авраам и Сарра, на столе стояли блюда с различными яствами, что придавало сцене какой-то бытовой оттенок. Рублев выводит ее из этого окружения, поднимает ее над всякой повседневностью, представ-

ляет ее в плане вечности. Библейский эпизод забыт, перед нами не посещение Авраама, а нечто сущее вне времени, не событие, а, как бы вечно длящееся состояние. На столе вместо прежних блюд стоит одна лишь чаша, что придает ему смысл престола, ангелы, несмотря на свои посохи, не странники, а три впостаси,

Божеество само с собою творящее совет. Нежная лирика разлита над этой сценой, медленными нам представляются жесты небожителей. Тихо правый ангел склоняет чело перед средним, в котором мы невольно ощущаем первое лицо Троицы. Но оно не предписывает своей воли, а будто с вопросом обращается к третьему,

4) Рукопись Савваитова, лист 10.

от которого, кажется, должен последовать ответ. Все это, однако, едва лишь намечено, ничто не нарушает торжественности ощущаемого нами божественного присутствия.

Композиция иконы подчинена кругу, обладающему потенциальным движением против часовой стрелки. Группа ангелов, включая скалу, дерево, венчики, седалища с их подножиями может быть описана кругом, наклон скалы, дерева, голов правого и среднего ангела и легкий сдвиг подножий указывают направление движения. Принцип круга повторяется в формах голов, включая в них прическу, и в третий раз появляется в кудрях. Круг — символ вечности, служит здесь носителем изображения Божества.

Как и во всей восточной и западной средневековой живописи, не знавшей законов перспективы, мы встречаем тут построенное ошибочно названное обратной перспективой. Предметы сужаются не назад, а вперед. Скороспелый вывод одного крупного ученого породил теорию, что это явление было сознательное, последовательное и математически построенное. Это утверждение осталось недоказанным и энергично оспаривается. Но как бы там ни было, это сужение предметов по направлению к зрителю как бы выталкивает последнего из уже чрезвычайно неглубокой сцены, предоставленной фигурам на иконах, оно подчеркивает, что между изображенным там миром и миром внешним нет ничего общего.

Красочная гамма нашей иконы построена на нежных тонах кроме одного. Каждая из фигур одетая в нижнюю одежду (хитон) и верхнюю (гиматий), тем самым является носителем двух цветов. Все три ангела отмечены голубой краской, но в разных оттенках, самый яркий представлен гиматием среднего ангела, немного менее ярк хитон правого и еще слабее хитон левого. Светло-зеленый гиматий правого ангела и розово-сиреневый левого завершают гамму нежных тонов, с которыми ярко контрастирует темно-вишневый хитон среднего, резко отделяющийся от белизны скатерти на столе. Крылья, седалища и чаша — темно-золотистые и какой-то трогательной ноткой являются нежнейшие голубые «подпапортки» крыльев. Почва — светло-зеленая, Мамврийский дуб — темно-зеленый, в архитектурных элементах на фоне налево повторяются в виде небольших пятен желтое и голубое. Лики и руки — светло-желтоватые с розовым отливом. Следует отметить, что все доступные на западе репродукции Троицы очень несовершенно передают тональности и сильно отличаются между собой.

До революции эта икона была единственным произведением, по которому мы могли судить об искусстве Андрея Рублева. К тому же мы тогда не имели права с уверенностью утверждать, что

она принадлежит его кисти; устное предание и «Сказание о св. иконописцах» не являются достаточными доказательствами в научном смысле. Лишь с тех пор как трудами Центральных Государственных Реставрационных Мастерских, под руководством Игоря Грабаря, были раскрыты другие произведения Рублева, упоминаемые в древних источниках, и выявилась между ними и нашей иконой общность художественной манеры, мы можем считать ее автором окончательно установленным. Икона подтверждает вновь открытые памятники, они в свою очередь подтверждают икону.

Наиболее значительные из пока раскрытых произведений Рублева, по данным Грабаря, суть следующие (по крайней мере по сведениям дошедшим до нас из-за железного занавеса): 8 икон из иконостаса московского Благовещенского собора, фрески в центральном нефе Успенского собора во Владимире, 3 иконы из иконостаса того же собора, копия руки Рублева с иконы Владимирской Божьей Матери, написанная для того же собора, 3 иконы из иконостаса Звенигородского Успенского на Городке собора и часть фресок в этом храме, 10 икон из иконостаса Троицкого собора в Троице-Сергиевской Лавре⁵⁾.

К сожалению, доступные на Западе репродукции этих памятников далеко не совершенны, и по ним трудно составить себе собственное суждение об их качестве. Поэтому заключения о принадлежности их кисти Андрея Рублева приходится оставить на ответственности тех ученых, которые имели счастье их открыть и видеть в оригинале.

Проф. гр. В. П. Зубов.

✓ ПАМЯТИ П. Б. СТРУВЕ*)

Сегодня, в десятую годовщину смерти Петра Бернгардовича Струве, мы собрались помянуть его молитвенно, вознести Богу наши молитвы об упокоении души его. Он был одним из виднейших представителей русской интеллигенции конца XIX и начала XX в., более того — он был одним из вождей ее. В молодые годы П. Б. не избежал соблазнов революционизма, но честность мысли, но

5) См. статью Игоря Грабаря «Андрей Рублев». Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918-1925 годов, в сборнике «Вопросы Реставрации» Центральных Гос. Реставрационных Мастерских, т. 1, Москва, 1926, стр. 7-112.

*) Слово, сказанное о В. Збеньковским перед панихидой в десятую годовщину смерти П. Б. Струве 26 февраля 1954 г.

мужество духа дали ему силу сбросить эти соблазны. П. Б. скоро совершенно отошел от гипноза марксистской теории и с той смелостью, какая была ему присуща, он без колебаний обратился сначала к философскому идеализму, а затем к углубленному религиозному пониманию истории и жизни. Он стал одним из виднейших деятелей «белого движения» и отдался политической работе безраздельно, не жалея сил, чтобы способствовать освобождению России от ига большевизма. Но и в эти годы напряженной политической и общественной работы П. Б. не переставал жить интенсивной научной жизнью, поражая всех обширностью своих знаний, глубиной своих взглядов.

Но может быть самое драгоценное в П. Б. была его искренняя и серьезная религиозность. Никогда не забуду двух случаев, свидетелем которых пришлось мне быть. Мне пришлось случайно быть свидетелем того, как П. Б. впервые, после многих лет отрыва от Церкви, причащался св. Таин. Второй случай — в известном смысле особенно замечательный, это было на одной из конференций Рус. Студ. Христ. Движения в Чехии. Церковь была устроена в отдельном бараке, стоявшем вдали от дома, где мы жили. О. С. Булгаков дал Петру Бернгардовичу нести икону, — и вот все мы направились из дома к бараку, а впереди нас шел П. Б., неся икону. Какая символическая, какая знаменательная картина! Прежний вождь революционных течений идет с иконой впереди верующей молодежи в церковь... Да будет же память этого замечательного человека, этого мужественного борца за правду вечна и да будет он примером для поколений молодежи, ищущей, как он, правды и добра!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. Л. ФРАНКА О П. Б. СТРУВЕ*)

...1908-ым годом заканчивается первый, ровно десятилетний период моей дружбы с П. Б., в течение которого влияние его личности и идей сыграло существенную роль в моем духовном и умственном развитии. Я не могу не подвести здесь вкратце итогов того, чем я ему обязан. Этим мне, может быть, лучше всего удастся охарактеризовать его собственный умственный и духовный облик.

Влияние это касалось прежде и больше всего формирования

*) Книга воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве, по всей вероятности, будет в скором времени опубликована.

моих политических воззрений. В этой области он был моим подлинным наставником, и я должен с благодарностью признать, что воспитался в школе его политической мысли. Мы оба начали с радикальных и социалистических воззрений, типичных для русской «передовой» интеллигенции 90-х годов 19-го века (для поколения, в котором совершилось новое пробуждение политического радикализма после политического застоя 80-х годов). Но — помимо общей редчайшей в нашей тогдашней среде черты полной независимости политической мысли, резко контрастировавшей с господствовавшим догматизмом, под влиянием чего П. Б. приучал людей и в политике всегда мыслить «по существу», не считаясь с принятым общественным мнением — П. Б., можно сказать, уже с ранней юности внес в это типическое мирозерцание новую ноту, которая, помню, с самого же начала нашего знакомства произвела на меня впечатление. Эту ноту я мог бы определить, как государственное сознание. Оппозиционное и в особенности радикальное общественное мнение ощущало себя угнетенным властью и совершенно отчужденным от нее. Государственная власть — это были «они», чуждый и недоступный элемент двора и бюрократии, который мыслился как группа корыстных и умственно ограниченных властителей над подлинной, «народной и общественной» Россией. «Им» противостояли «мы» — «общество», «народ» и прежде всего «каста» интеллигенции, озабоченная благом народа и посвятившая себя служению народу, но по своему бесправному положению способная только критиковать власть, будить оппозиционное настроение и втайне готовить переворот. П. Б. — отчасти, вероятно, по своему происхождению из дворянско-бюрократической семьи (отец его был губернатором), отчасти по внутреннему призванию к политической мысли — нес в себе и проявлял с самого начала зародыш совершенно иного, именно ответственного, положительного, творческого, политического образа мыслей, отчетливо выделявшегося от обычного, — tranchons le mot! — рабского сознания (которому суждено было — увы! — практически восторжествовать и определить судьбы России). Он рассуждал всегда о политике, можно сказать, не «снизу», а «сверху», не как член поработанного общества, а сознавая себя потенциальным участником положительного государственного строительства. Все дальнейшее его политическое развитие было только последовательным выражением этой его исконной, как бы органической установки. Еще будучи радикалом и даже социалистом, он был не «бунтарем», а сознавал себя государственным деятелем, как бы только временно и случайно находящимся в оппозиции. Это есть, конечно, единственно здоровое и плодотворное политическое сознание. И это сознание

как-то сразу нашло отклик в моей душе и помогло мне постепенно излечиваться от порочной установки бессильного радикального «будирования» и критиканства. Не испытывая сам призвания к политической деятельности, я просто интеллектуально почувствовал, что эта установка одна лишь адекватна пониманию подлинного существа государственной жизни. Это государственное сознание предполагает трезвый реализм в оценке настоящего и возможного будущего, предполагает непосредственное ощущение начала иерархии в общественной жизни — понимание, что при всяком (даже последовательно «демократическом») общественном строе ответственное, разумное, государственно-опытное меньшинство призвано подлинно определять государственно-общественную жизнь; оно предполагает, наконец, что «революция», восстание народных масс есть, может быть, иногда неизбежное и даже в конечном итоге благотворное, но всегда ненормальное и болезненное событие, нарушающее естественную структуру национально-государственного бытия. Вместо многих примеров этого, как бы прирожденного П. Б.-чу образа мыслей, приведу только один мелкий, но характерный случай, мне запавший в память. Проходя где-то около Таврического дворца с П. Б. в знаменательный день открытия первой Государственной Думы (в апреле 1906 г.), когда на улице господствовало приподнятое, радостное настроение, мы натолкнулись на сцену разгона казаками какого-то скопления толпы. На мой невольный протестующий возглас П. Б. заметил: «надо научиться спокойно относиться к тому, что полиция оберегает порядок на улице». Я как-то сразу ощутил и основательность этого простого соображения и существенность той поправки, которую оно вносило в привычный в нашем кругу склад идей.

Сложнее определить, чем я обязан П. Б.-чу в моем общем умственном и духовном развитии. Я не говорю здесь о пользе, которую я извлекал из многосторонности его образования и его огромной начитанности — об этом уже пришлось и еще придется говорить; до конца его жизни он помогал мне своими литературными указаниями. Я имею в виду только влияние его общего умственного и духовного склада. Здесь значение моего общения с П. Б. состояло в редком счастливом сочетании какого-то исконного, как бы предопределенного духовного сродства с существенным различием и даже противоположностью наших умственных складов и общего направления наших первичных интуиций, благодаря чему мы как бы взаимно дополняли друг друга и тем друг другу помогали (смею думать, что это отношение было взаимное). Начну с указания на различие наших умственных натур — моей отрешенной созерцательности противостояла действенно-живая на-

правленность мысли П. Б. на конкретное многообразие (П. Б. шутя часто называл меня «буддистом»). В силу этого различия у нас всегда было два разных мировосприятия, две разные «философии». Я всегда был «монистом» (в широком общем смысле этого понятия), сознавал многообразие подчиненным единству и пронизанным им; П. Б., напротив, — «плюралистом»; я — «платоник», признающий реальность общих начал и сил; П. Б. был, напротив, в этом отношении «аристотеликом», т. е. умом, видящим и признающим подлинную реальность только конкретно-единичного. С этим связано еще иное различие, тоже выразимое (условно) в терминах различия между «платонизмом» и «аристотелизмом»: я склонен сознавать внутренний, духовный, «иной» мир прежде всего в его противоположности и противостоянии миру внешне-эмпирическому, П. Б., напротив — хотя, как я уже упоминал, и имел ясное сознание своей личной потаенной внутренней духовной жизни — в качестве природы активной имел тенденцию духовно вкладываться в мир, а потому и воспринимать духовное начало, как силу имманентную миру, активно действующую в нем и его формирующую. Поэтому я всегда, даже и в ранней юности, в моих духовно-философских исканиях шел своим собственным путем, отличным от пути П. Б. Это не мешало тому, что общение с его умственно-духовным складом помогало мне постепенно преодолевать односторонность отрешенного спиритуализма и на ином, моем пути искать и находить связь между «внутренним» и «внешним», миром духа и миром эмпирической реальности.

Но главное, в чем мы сходились и что меня привлекало в его духовном мире, была наша общая склонность и страсть к познавательному созерцанию реальности и к связанному с ним умонастроению объективизма. В этом отношении П. Б. имел, несмотря на всю страстность и действенность своего существа, натуру подлинного мыслителя. Не будучи специалистом-философом, он вкладывал в научную мысль истинно-философский пафос, что далеко не всегда присуще и прирожденным ученым. Бескорыстное созерцание реальности, связанное с признанием какого-то высшего смысла реальности как таковой, обязанности личности в каком-то смысле ей подчиняться (причем моральные ценности и требования, противостоящие несовершенству эмпирической действительности, воспринимаются укорененными в некоей объективной реальности и черпающими из нее свою значимость) есть та истинно-философская черта умственно-духовного склада П. Б., в которой я воспринимал свое исконное духовное сродство с ним. Общение на почве такого духовного сродства всегда необычайно плодотворно, содействует укреплению и оживлению внутренних творче-

ских сил. Что было для меня особенно ценно в этом, искони мне близком мотиве духовного реализма и объективизма П. Б., это — то, что в силу обращенности его ума на конкретную жизнь он умел прилагать этот мотив к практически-действенной ориентировке в жизни. Именно на этом пути я научился от него высшему моральному и религиозному смыслу политического реализма. Этот его реализм был выражением сочетания в нем напряженной духовности с трезвостью; трезвость он сознавал как не только интеллектуальное, но и моральное обязательство; и наоборот, всяческое фантазерство и безответственно-мечтательное отношение к действительности — как морально-порочную установку. Это сочетание принципиальности с трезвостью отличало его от обычного типа русских религиозных мыслителей. В моей юности оно имело большое воспитательное значение для меня.

С. Л. Франк.

О Д Е Т Я Х *).

Учение о духовном значении отцовства и материнства окажется отчасти беспредметным, если не будет рассмотрен основной предмет родительской любви и попечения — дети, притом именно в их детском возрасте.

Не только взрослые, но и дети имеют свое особое призвание и назначение в деле строительства Царствия Божия. Ребенок не есть какой-то ненастоящий еще человек или недовершенный христианин; нет, с точки зрения Церкви, ребенок вполне человек, вполне христианин. Можно даже думать, что в некоторых отношениях в ребенке лучше всего выражается образ человека вообще и потому именно, что Образ Божий в нем менее поврежден и ярче отражен.

Мало того, дети имеют не только свое особое предстояние перед Богом, но и свою миссию, даже свое особое апостольство. Они отнюдь не должны быть только объектами родительской любви и воздействия, но и сами могут быть активными проводниками воли Божией. И чем глубже и полнее родители и старшие вообще поймут это особое назначение и призвание детского возраста, тем правильнее, тем полнее раскроется и духовное призвание родителей и взрослых, как таковых. Только отказавшись рассматривать детей исключительно как объект воздействия, только почувствовав и поняв, что Бог дает им особую миссию и даже, наконец,

*) См. «Вестник», № 31, 1954 г.: «Отец и мать в христианской семье» того же автора.

только научившись учиться у детей, можно плодотворно учить их самих и вообще быть им полезными. Благоприятное воздействие на детей может быть только взаимодействием.

Итак, вдумаясь в то, как именно Образ Божий раскрывается в детях с младенчества и даже в некоторой мере до юношества включительно и как и чем обогащается человечество от присутствия детей.

Это сделать необходимо еще и потому, что в мировой литературе очень много говорилось и хорошо говорилось о так называемом «вечно женском» («das ewig Weibliche zieht uns hinab» — одна из основных идей Гетевского Фауста), кое-что было сказано и о «вечно мужском» начале, но, к сожалению, немного о «вечно детском». А между тем, вероятно, именно в «вечно детском» надо искать то, что есть «вечно человеческое». Но не в безгрешности детей, как думают многие, здесь дело. Идеализировать детей не следует. Даже младенцы не безгрешны. Святое крещение дает возможность преодолевать силу Первородного греха, но она все же остается. И дело вовсе не в очень относительной к тому же детской чистоте или незлобности или бескорыстности, а в детской простоте и доверчивости. В этом дети, действительно приближаются к святости и наряду со святыми могут быть незаменимыми проводниками божественного света. За детской простотой и доверчивостью и за их непамятозлобием обнаруживается неомраченная вера в добро.

Дети видят в других самое лучшее и к этому лучшему обращаются. Светлое око видит все светлым. Это аксиома духовной жизни. И на вершинах святости, святые люди — видят всех хорошими, т. е. видят во всех Образ Божий. В этом дети и похожи более всего на святых и в этом и заключается их, можно сказать, благодатная сила. Преподобный Серафим Саровский ко всем приходившим к нему обращался со словами «радость моя» и это он говорил искренне. А такое обращение к лучшей части человека, к образу Божию сокрытому в нем, пробуждает этот образ, вызывает к жизни это лучшее в человеке. В этом и сказывается преобразующая мощь Любви, и сила детской богообразной доверчивости и простоты.

Потому-то присутствие ребенка не только младенца, но можно сказать юных существ вообще, вносит радость. Своею доверчивостью дети апостольствуют, свидетельствуют о свете, выполняют свою светлую миссию. (Мы, взрослые, чаще отравляем друг друга осуждением и подозрительностью).

Имея перед собой, в своем доме, такую живую, светлую икону, родители не могут смотреть на своих детей только как на пассивные объекты своей любви и своих педагогических устрем-

млений, а как на посланных Богом активных сочленов своей Малой Церкви, у которых есть чему поучиться. В истинно христианской семье дети могут, в некоторой мере, стать живой, воплощенной совестью своих родителей и старших. Если это сознается, то это способствует возрастанию в самих детях чистой совести и светлого начала вообще.

К этим свойствам детей надо прибавить еще их беззащитность и беспомощность и, связанное с этим, их произвольное смирение, обращенность к выше их стоящим силам и присущее детям сознание тайны и таинственности мира.

Все это вместе взятое делает их благоговейными, а в старших, в родителях в особенности, возбуждает активную, любовную заботливость и бережность в отношении детей. Любить детей естественно, и не даром тех, кто их не любит, называют бесчеловечными, потому что в детях мы любим лучшее, что есть в нас самих. Поэтому и каждого человека легче всего любить тогда, когда видишь, что в нем сохранилось и проступает нечто детское. Иногда, случается, видишь напыщенного человека, исполненного сознания многих своих достоинств, заслуг и полученных отличий (вспомним стихотворение гр. А. Толстого: «Ходит спесь надувающимся») и трудно подступить к такому спесивому человеку, а еще труднее его полюбить... Но вот, неожиданно, мелькнет в нем нечто детское, некоторая, например, беспомощность, или вдруг блеснет слеза от приключившегося потрясения или засветится улыбка восхищения... и вот сердце загорается теплотой в отношении этого человека...

Может быть самым противоположным детству является **цинизм** — состояние, когда для человека исчезло сознание тайны и чего-либо выше его стоящего. Для циника все одинаково низко. Священник, принимая исповедь, может без содрогания и даже с некоторой отрадой выслушать тяжелые признания, если они сопровождаются горьким раскаянием, но рассказ даже о небольшом грехе, сказанный с цинизмом, удручает.

Но мы не только от присутствия детей можем оценить все благотворное значение детства, мы и внутренне в себе самих чувствуем, что детство — это наш золотой век и золотой запас духовных сил, из которого, и будучи взрослыми, мы можем еще черпать. Боже упаси, помешать человеку составить в себе этот золотой запас чистых детских переживаний или самому растерять его.

Светлые воспоминания детства, даже как будто забвенные, ушедшие в область подсознания, все же являются той подпочвенной, живительной влагой, благодаря которой человек может приносить духовные плоды. Потому-то Господь и сказал, что если

кто соблазнит одного из малых сих, то лучше такому человеку не родиться. Соблазняющий, отравляющий детскую душу подрывает в самом корне духовную жизнь человека, как бы поражает самый образ Божий в нем. А то, что в своей доверчивости и простоте дети лучше многих взрослых (кроме святых) являют в себе Образ Божий, об этом учит Сам Господь и истину эту усваивает и открывает нам и Святая Церковь.

Господь говорил про детей, что таковых есть Царствие Божие (Мф. X, 14, 15), Господь говорил, что кто не умалится как дитя, не может войти в Царствие Божие (М. XVIII, 4) и что Ангелы их всегда видят лицо Отца Небесного (М. XVIII, 10). И нельзя забывать, что Господь Сам явился нам сперва в Образе Младенца и до конца сохранил младенческую чистоту, беззащитность и смирение, святая же Церковь в четырех Великих Праздниках из двенадцати предлагает нашему созерцанию Господа и Матерь Божию в младенческом образе.

Образ Богомладенца явлен нам почти на всех Иконах Божией Матери, а православные дети допускаются к участию в таких Святых Таинствах, как крещение, миропомазание, покаяние, Причащение, Елеосвящение. Наконец, особенно показателен для Церковного понимания детства и младенчества «чин погребения младенцев». Из него явствует, что усопшему младенцу Церковь усваивает чин «блаженного», т. е. уже святого человека, к которому надлежит обращаться с молитвой. И в самом чине младенческого погребения уже содержатся молитвенные взывания от лица Церкви к отлетевшей на небо младенческой душе. Все это позволяет рассматривать и живых детей и детство, а в конце концов и всякий человеческий возраст, как некий особый лик или чин предстояния перед Богом и служения Ему.

Каждый возраст человека имеет свое назначение, свое призвание и свои особые дарования, которые наряду с прочими он должен умножить и принести Богу. Тем, кому вверено попечение о детях, должны прежде всего заботиться, чтобы дети умели развить и принести Богу свойственные их возрасту дары, а не погнуждать их прежде срока давать плоды, присущие другому более позднему возрасту.

Если дать детям выполнить их детское предназначение, они, став взрослыми, также исполнят то, что от них потребуется.

Священник А. Семенов Тянь-Шанский.

ГРАД КОНСТАНТИНА

1453—1953

«Сим победиши!»

Пред стенами твоими, Византия,
Готовы мы склониться ниц —
Не за твоей империи витии —
За прославление Трех Лиц;

За то, что в дни языческих гонений
Ты обратилась ко кресту,
Среди видений дивных и затмений
Мир древний отдала Христу.

Премудрость Божия, твоя «София»,
Века сияла над тобой...
Одна была священная стихия
Твоей истории судьбой.

Ты в чувственном духовность воплотила:
Иконопись, знак для земли
Того, что духа творческая сила
Преображает и во тли.

Бесценные мозаики и фрески —
Все золото и вся лазурь —
То моря вечности огни и всплески,
Блаженство радости вне бурь...

Монашество пустыни, кинонии,
Державы искупало грех,
И Слово Отчему и Панагии
Молилася за темных всех.

К мирскому и слепые и глухие,
Молитву тайную творя,
Избранники достигли в Исихии
Горы Фаворской алтаря.

В умах богопознание созрело
И благодать струила свет,
Собор за истину боролся смело,
Как православия завет,

Все царства достижения благие
Востоку церковь принесла;
Ее Божественная Литургия
Как отзвук, отблеск здесь была

Единого небесного служения,
Где Сам Первосвященник-Сын
Во славе, среди Бесплотных окруженья,
Совершает литургийный чин.

Так ангелы незримые доньше
Таинственно сослужат нам,
И к «Света невечернего» святине
В Нерукотворный вводят Храм.

И мы, живые в Духе человеки
Должны стоять у царских врат —
Хранить твое наследие навеки,
Былой порфиноносный Град.

М. Б.

ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹⁾

1. Журнал Московской Патриархии, № 10-12 1953 г. и 1-3 1954 г.

С 1954 г., при новом редакторе А. Ведерникове, журнал обновился (новая обложка, впервые «Хроника» набрана петитом), расширился (более крупный формат, 80 стр. вместо 70) и содержит больше информационного материала, чем в предыдущие годы. Впервые дана общая сводка церковной жизни за истекший год, правда, очень неполная. Отдел «В защиту мира» сократился до 7-10 стр. Статьи на современные темы написаны в значительно более мягком тоне, чем раньше: таковы, напр., заметка об Экуменическом Движении, которое, по словам автора, несмотря на свое ярко выраженное политическое лицо «все же в своих истоках направлено к исканию путей к Церкви Христовой», и отклик на новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея, написанный, несмотря на отрицательные выводы, очень умеренно.

II. Духовные школы.

В настоящее время в Сов. России две Духовные Академии и

¹⁾ См. «Вестник», № 31, 1954 г.

8 Семинарий¹⁾. Семинарии открыты в Одессе и Луцке (с 1945 г.), Ставрополе (с 1946 г.), Киеве и Минске (с 1947 г.). В Москве и «Ленинграде» Академии и Семинарии были совместно открыты в сентябре 1946 г.

В Московских Духовных Школах в 1952 г. училось 340 студентов (в 1950 г. было только 184 студента). В педагогическом составе числятся 6 профессоров, 7 доцентов и 11 преподавателей. Библиотека насчитывает 30.000 корешков книг.

«Ленинградские» Духовные Школы²⁾ состоят непосредственно под наблюдением и водительством Высокопреосвященного Григория, Митрополита Ленинградского и Новгородского³⁾.

Профессорско-преподавательский состав.

Общее число наставников в истекшем (1952-53 г.) было 20 человек. Из этого числа: а) по ученому званию — 8 профессоров, 7 доцентов, 5 преподавателей; б) по ученой степени: доктор богословия — 1, магистров богословия — 7, кандидатов богословия — 7, кандидат филологических наук — 1 и без ученой степени, но с высшим или специальным образованием — 4. В отчетном году было также 3 профессорских стипендиата.

Учащиеся.

Учащиеся разделялись на 3 категории: стационаров, экстернов (только в Академии) и заочников. Стационарами назывались воспитанники, обязанные регулярно посещать все классные занятия, подавать в установленные сроки письменные внеклассные работы и сдавать зачеты и экзамены в положенное время. Категорию экстернов составляли студенты — священнослужители «Ленинграда» и его окрестностей. Они освобождались от ежедневного посещения классных занятий, но обязывались сдавать все работы своего курса в срок и являться на зачеты и экзамены. На заочном отделении обучались исключительно священнослужители. Они вызывались на сессии три раза в год. На сессиях они сдавали зачеты, экзамены, получали на руки для домашних занятий соответствующую литературу.

К концу 1953 г. число учащихся было: на стационарном и заочном

1) До революции существовало 4 Академии (Москва, Петербург, Киев и Казань) и 58 Семинарий. Все они были закрыты в 1918 г. по декрету о разделении Церкви и Государства, и, в частности, Школы и Церкви.

2) Все сведения о «Ленинградских» Духовных Школах извлечены из доклада инспектора Л. Н. Парийского, напечатанного с сокращениями в «Голосе Православия», № 8-12, Берлин, 1953 г.

3) Напомним, что митр. Григорий был ректором последних двух духовных школ, возникших после революции: Петроградского Богословского Института (1919-1923) и «Ленинградских» Пастырских Богословских Курсов (1925-1928).

отделениях в семинарии — 228 человек, в Академии — 168 человек. Всего — 396 (в 1947 г. было всего 108 учащихся, в 1952 — 320).

Обучение в Семинарии и Академии велось бесплатно для учащихся. Воспитанники школ получали к тому же стипендии (в Семинарии — 200 рублей ежемесячно, в Академии — 260 рублей). Размер стипендии в зависимости от успеваемости и поведения учащегося соответственно повышался или понижался до 50%.

Учебные планы и программы.

Обучение в Семинарии производилось по типовым учебным планам и программам, выработанным Учебным Комитетом при Священном Синоде и утвержденным им 19 октября 1949 года.

Единых типовых учебных программ для Духовных Академий нет, как не было их и в старой Академии, где по каждой науке преподавание носило характер монографических исследований, а не систематического прохождения всего курса.

Предметы преподавания в Семинарии были следующие: Библейская история Ветхого и Нового Завета, Священное Писание, Катехизис, Догматическое Богословие, Правственное Богословие, Основное Бог-ие, Сравительное Бог-ие, Практическое руководство для пастырей, Гомилетика, Церковный Устав, Литургика, Общая Русская церковная история, История раскола и сектантства и разбор их разногласия с Православием, конституция СССР, языки: русский, церковно-славянский, греческий, латинский, английский, немецкий и французский (факультативно), Церковное пение.

Каждый день было по 6 уроков.

В Академии предметы изучались те же, за исключением Катехизиса, Практического руководства для пастырей, Церковного Устава и Библейской истории, но шире и глубже и, кроме того, новые предметы, а именно: Пастырское Богословие с аскетикой, Церковная археология в связи с историей христианского искусства, Византология и История славянских церквей, Патрология, Логика, Каноническое право и древне-еврейский язык.

Занятия наставников.

Литературные труды наставников Академии и Семинарии в истекшем году были многочисленны и разнообразны. Среди них привлекают внимание:

1. «Богослужебные указания на 1954-ый год», составленные Инспектором Академии и Семинарии проф. Л. Н. Парийским и представляющие прекрасное пособие для духовенства приходских храмов.

2. «Святая гора Афон и ее историческое значение для православия и славянства». Труд принадлежит перу доктора богословия, профессора прот. В. Верюжского.

3. «Русская Литургика» и «Православная христианская литургия по чину св. Иоанна Златоуста» — очерки проф. Н. Д. Успенского.

4. Вспомогательные пособия для студентов 2-го курса Академии проф.-прот. А. Осипова на темы: «Проблемы страдания в книге Иова», Аллегорическое истолкование книги «Песнь Песней», «Философское истолкование книги Экклезиаст» и «Проблема хронологии разделенных царств».

5. Доцент Академии прот. А. Сергеев работал в истекшем году над темой «О старокатолическом движении».

6. Доцент Академии Русаков сделал перевод с латинского языка на русский 5-ти слов папы Льва Великого, характерные для представления, какое значение своей папской власти приписывал их автор.

7. Доцент Миролюбов работал над магистерской диссертацией на тему: «Догматическое учение св. Василия Великого».

8. Доцент иеромонах Леонид (Поляков) продолжал работу над магистерской диссертацией на тему: «Схиархимандрит Паисий Величковский, его литературная деятельность и влияние на русское монашество».

9. Доцент свящ. М. Чуб трудился над магистерской темой о Мефодии Патарском.

Библиотека.

Библиотека «Ленинградской» Духовной Академии насчитывает в настоящее время до 120.000 корешков книг. Она создана на основе книжного фонда б. Петроградской Духовной Академии, переданной нынешней Академии Государственной Публичной библиотекой в «Ленинграде» (до 80.000 книг). Пополнение библиотеки систематически продолжается.

В библиотеке хорошо представлен энциклопедически - словарный справочный отдел, отдел богословской литературы на иностранных языках, имеется отдел художественной литературы. Ежегодно библиотека выписывает не менее 5 газет и свыше двух десятков различных журналов с приложениями.

Церковь.

Центром религиозной жизни и воспитания учащихся была академическая церковь во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Академический храм — просторный, светлый, высокий, хорошо оборудованный необходимым инвентарем, утварью, ризницей.

Ежедневно в течение всего учебного года в храме совершались богослужения суточного круга. Очередность совершения богослужений учащимися велась по классам. Утреннее богослужение начиналось в 6 час. 30 мин., вечернее — в 18 час.

В воскресные и праздничные дни богослужения совершались соборно профессорами и студентами в священном сане, во главе с ректором прот. Михаилом Сперанским. В основу клиросного пения было положено антифонное пение на два хора. В положенное по уставу время певцы сходились на средину храма и пели все вместе. Некоторые песнопения исполнялись всею церковью. Пение хора было преимущественно простое, гласовое, с канонархом.

БИБЛИОГРАФИЯ

✓ Проф. И. А. ИЛЬИН. «Аксиомы религиозного опыта». Париж 1953 г.; т. I 310 стр., т. II 308 стр.

Недавно появившийся двухтомный труд проф. И. А. Ильина не должен пройти незамеченным русским православным зарубежьем. Он является плодом тридцати лет тщательных исследований и вместе с тем как бы итогом собственной религиозной жизни и научной деятельности автора. В результате мы имеем столь своеобразный по своему содержанию труд, что читатель даже затрудняется к какой категории его отнести: это не богословие, и не философия, и не научно-апологетическая книга в обычном смысле. Сам автор подчеркивает в предисловии, что он сознательно не касается ни догматических, ни литургических проблем. Свою задачу он видит в изучении «личного духовного состояния верующих» и нахождении общих закономерностей в бесконечном разнообразии субъективных религиозных переживаний.

Религию очень часто представляют себе, как область смутных и безотчетных чувств, не поддающихся будто бы никакому изучению, никакой систематизации. А между тем уже древне-христианские отцы церкви и подвижники очень много занимались именно изучением духовной жизни человека или, другими словами, религиозной психологией. Тщательно изучая свои духовные переживания, христианские аскеты старались передать свой внутренний опыт своим ученикам и тем облегчали им путь духовного возрастания. К сожалению, эти ценнейшие книги христианских подвижников были мало-доступны по своему языку и методу для широких кругов верующих и ими пользуются почти исключительно монашествующие. А попытки популяризировать их содержание среди мирян были весьма немногочисленны.

Первый, кто заговорил в научном мире о значении религиозных переживаний, был протестант, американский профессор Виллиам Джемс, выпустивший в 1910 г. свою книгу «Многообразие религиозного опыта». Однако, автор использовал для своих выводов исключительно данные западного христианства — протестантизма и католичества. Богатый опыт восточного христианства — оказался ему неизвестным, что сильно снижало значение книги Джемса.

Новый труд проф. И. А. Ильина отличается тем, что основывается не только на данных восточного христианства и на материале западных исповеданий, но касается и опыта древних исторических религий, также отражавших в себе религиозную психологию человека. И все же книга его остается православной по

духу или, как выражается сам автор, «православно-апологетической». Тем не менее, будучи научным исследованием, книга рассматривает вопрос о религиозном опыте в самом общем виде, что дает право автору надеяться, что «эти аксиомы должны светить не только нам, православным христианам, но и христианам всех других исповеданий».

С другой стороны, книга проф. И. А. Ильина не является, подобно книге Джемса, кабинетным трудом, лишь регистрирующим психологические наблюдения. Автор «Аксиом», несмотря на чисто научный метод своего исследования, использовал в книге свой собственный религиозный опыт. Каждая страница книги свидетельствует не о формальном интересе к теме, но о пытливым искании общих формул религиозного роста человеческой личности.

Вторая характерная особенность книги — ее бережное отношение к свободной и автономной человеческой личности. Область духа — священная часть человеческой личности, не терпящая никакого принуждения. Вот почему автор на протяжении всей книги отмечает, что все религиозное творчество, весь религиозный опыт человека возможен только как свободное и не принужденное восхождение и «очищение» человеческого духа, познавшего Совершенное и возлюбившего Его. Этой проблеме посвящены главы «О религиозной автономии», «О религиозной гетерономии» и «Непосредственность религиозного опыта».

Третья черта рецензируемой книги — ее несомненная современность, как по языку, так и по постановке вопросов. Ее содержание — отклик чуткого мыслителя, разбирающего все тревожные проблемы личной религиозной веры и ее возрастания. Таким проблемам, как «грех и страдание», «религиозная цельность», «смирение и трезвение» или «вырождение религиозного опыта» посвящены специальные главы, освещающие их с точки зрения разных религий, святоотеческих писаний, философских и богословских произведений.

Книга «Аксиомы религ. опыта», конечно, не предназначена для массового читателя. Она слишком насыщена богатством мыслей, образов и широких философских и психологических обобщений. Но для религиозного писателя, богослова или педагога, а также для пастыря, миссионера, апологета — это богатый источник для новых мыслей и выводов. В этом смысле книга является чрезвычайно будающей, настраивающей читателя на серьезное изучение религиозных проблем. Особенно ценным является наличие «Литературных приложений» к каждой главе, которые содержат многочисленные цитаты, ссылки и примечания, устраненные из основного текста. Чтобы видеть, какой обширный научный мате-

риал был использован автором, достаточно сказать, что «Литературные приложения» составляют 183 стр., т. е. почти целую треть всего труда.

Тем не менее мы полагаем, что отдельные главы книги могут служить весьма содержательным чтением и для рядового читателя, ищущего углубления личной религиозной жизни. Такие главы, как «О религ. сомнении», «О чудесном и таинственном» или «Религиозный смысл пошлости», могут стать темой для группового изучения или дискуссии.

В заключение еще раз подчеркнем, что помимо обширного научного материала, ценность книги проф. И. А. Ильина — в ее жизненности, проникновенности и глубокой религиозности. В ней нет ничего ни от сухой схоластики, ни от искусственного пафоса некоторых религиозных произведений. В ней чувствуется искренность веры и благоговейное стремление выразить слабым человеческим словом типические черты внутреннего религиозного опыта. Хотя и не все выводы автора, отражающие его личные мнения, могут быть приемлемы, но его горячность, убежденность и обширная эрудиция несомненно могут помочь читателю при разрешении самых существенных религиозных проблем.

С. Щ.

С. Г. ПУШКАРЕВ. Обзор Русской Истории. 509 стр. Изд. имени Чехова, Нью-Йорк 1953.

Книгу эту надлежит рекомендовать вниманию всех, желающих представить себе в исторической последовательности развитие нашего государства с древнейших времен до нынешнего дня: **такого хронологического полного обзора у нас до сих пор не было.**

А между тем, если можно что-нибудь понять и объяснить в области «Истории», то только при соблюдении хронологической последовательности фактов. Недаром уже в древности говорилось, что «хронология есть око истории».

Начнем с удачного «нововведения» в учебную книгу: автор цитирует памятники, где только возможно, в подлинных выражениях, а не в пересказе современным языком, что действительно помогает «видеть» и «слышать» нашу древность.

Не приходится, конечно, подчеркивать насколько при цитатах важна научная объективность историка, ибо, при умении, даже «документ», если он приведен не целиком, может доказать чаемое и желаемое вместо бывшего в действительности. С этой стороны книга вполне добросовестна.

Другой прием автора тоже заслуживает благодарности читателя. Подразумеваем более или менее подробное изложение «условий» разных «договоров». Поскольку эти договоры были международными — они очень уясняют действия и факты нашей внешней политики.

Само собой разумеется, что необходимость вместить всю русскую Историю в какие-нибудь 500 стр. — задача головоломная. Тем большей хвалы заслуживает автор, не только сумевший это сделать, но еще и умудрившийся придать некоторым отделам особую полноту, освещающую как раз те стороны исторической жизни, которые в школе обычно комкались или даже вовсе пропускались.

А между тем, после всего пережитого и для современных, особенно зарубежных читателей, эти отделы приобретают особый интерес и значение. Прежде всего сказанное касается параграфов, говорящих о социально-экономических отношениях, о политико-административном строе великокняжеской, царской и императорской России, о влиянии Литвы на наши социально-православные понятия и отношения (о чем так убедительно говорит ак. П. Б. Струве в своем посмертном труде) и о татарщине. Последняя, с одной стороны, не мало содействовала развитию у нас типа «самодержавного владыки Московии», а, с другой, та же татарская власть своим почтительнейшим отношением к иерархам русской Церкви, ее возглавившим и ее представлявшим, сохранила у нас, сама того не ведая, главный рычаг нашего будущего освобождения, силу православной веры.

Далее отметим весьма вразумительное изображение всей сложности, запутанности, хаотичности административного Московского аппарата, вполне объясняющего лихорадочную, порывистую деятельность Петра-реформатора, просто не успевающего достаточно обдумать затеваемое дело.

С другой стороны, эта же хаотичность в области законодательства позволяет оценить всю громадность работы Сперанского и справедливую гордость ею Имп. Николая I-го, этого честнейшего «самодержца», изувеченного и отравленного непосильной для смертного идей и теорией «самодержавия» в соединении еще с идеей «легитимности», «законности».

Чрезвычайно полезно восстановление исторической перспективы в «прологе» к революции 1917 года. Все страницы, начиная с царствования затравленного царя-освободителя, до рокового 1917 г. глубоко поучительны, хотя подчас и очень горьки. (Кстати, напомним о прекрасной сводке фактов в романе Алданова «Начало конца»).

Полезно для изучающих русскую революцию узнать, что

террористические акты явились у нас вовсе не «справедливым возмездием» за начавшуюся «правительственную реакцию», а ранее ее, явились средством запугивания правительства теми, кто находил реформы «недостаточными» или боялись их умиротворяющего действия и отсрочки вождельной революции.

Вообще последние, такие короткие, в своей вынужденной сжатости, страницы «Обзора Русской Истории», заставят очень призадуматься над многими интересными и спорными вопросами не только историческими, но даже и историософскими (напр. о роли «личности»).

Не смею вдаваться в них в пределах скромной библиографической статьи. В заключение снова подчеркиваю нужность и полезность этой книги для всех, кто интересуется русской Историей «какой она была в действительности» (Л. Ранке).

Александра Петрункевич.

✓ Прот. А. ШМЕМАН, «Исторический путь Православия». Изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 388.

Последние десятилетия внесли в историю Православия много коренных изменений. Церковь живет в новых условиях, поэтому сейчас больше чем когда либо необходимо провести точное разграничение между сущностью Православия и историческими, неизбежно относительными формами церковной жизни.

Именно в этой перспективе написана книга о. А. Шмемана. В сущности, автор преследует ту же цель, что и о. Г. Флоровский в «Пути русского богословия», только в иной плоскости и для более широкого круга читателей — показывая непрерывность Священного Предания Церкви в истории, выделив его из тех «человеческих преданий», которые так часто абсолютизируются и смешиваются с самим Православием. Вряд ли существует для современного церковного общества более неотложная задача, чем установление связи с подлинным Православным Преданием. Но для этого нам необходимо обратиться к нашему прошлому.

Книга о. А. Шмемана не есть учебник по Истории Церкви, а блестящий анализ самой исторической «плоти», в которой жила Церковь в течение ее двухтысячелетнего существования. Основная ее заслуга состоит в тонкой и строго мотивированной оценке союза Церкви с Римско-Византийской Империей, а впоследствии, с национальными государствами Восточной Европы.

Книга о. А. Шмемана богата не только этой основной и обобщающей оценкой исторического пути православного Востока: но

и описанием всех основных церковных событий. Следует пожалеть об отсутствии особого очерка о Западной Церкви до разделения Церкви, который был бы тем более уместен, что автор неоднократно борется с понятием о Православии, как чисто «восточной» формой христианства. Некоторые более мелкие обобщения, не подрывающие обоснованности основных идей книги, могут показаться спорными: о времени возникновения «папистической» эkkлезиологии, о том, что после 12-го в. на Константинопольском Престоле не было выдающихся личностей. Ведь были же выдающимися церковными деятелями патриархи — Арсений, Афанасий, Исидор и Фотий?

Книга написана с подлинным литературным талантом и читается с захватывающим интересом. Она несомненно очень полезна и специалисту и рядовому читателю. **И. Мейендорф.**

«*ISTINA*» № 1, 1954, 128 стр.

Парижский Доминиканский научный центр «Istina» возобновил печатание своего журнала, но не под старым названием «*Russie et Chrétienté*», а под общим заглавием «*Istina*».

Новое издание отличается от предыдущего более широким кругозором и чисто «документальным» характером. Журнал не ограничивается более вопросами России и русского Православия, а содержит четыре отдела. Первый, «Россия и Христианство», продолжает прежний журнал, издававшийся с 1934 по 1950 г. (отметим интересную, но слишком краткую заметку о богословской науке в Сов. России), второй посвящен восточным Церквам (в нем обстоятельная статья о. А. Шмемана о роли и значении Вселенского Патриарха), третий озаглавлен «Восток и Запад» (в нем превосходно составленный разбор книги проф. Бенца о взаимоотношениях Православия и Протестантизма), четвертый — целиком посвящен экуменическому вопросу, и, в частности, предстоящему съезду в Эванстоне.

Одно из главных достоинств журнала: честность и предельная объективность в освещении затрагиваемых вопросах.

Журнал следует горячо рекомендовать всем, кто интересуется жизнедеятельностью православных Церквей, всем кому дорого дело взаимного ознакомления Востока и Запада в надежде на их сближение.

Н. С.

Х Р О Н И К А

МИССИОНЕРСКИЕ ПОЕЗДКИ

Лион.

6, 7 марта 1954 г. И. В. Морозов совершил поездку в Лион, где прочел доклад на тему: «О покаянии».

Лилль.

25 марта Н. А. Струве совершил однодневную поездку в Лилль, где он прочел доклад на французском языке о Пасхе. Благодаря стараниям Александры Николаевны Аладжиди — работа лильского кружка развивается. Русская группа привлекла к своим занятиям местную греческую молодежь, так что кружок насчитывает теперь около 30 постоянных членов.

Поездка в Бельгию.

С 10-го по 13-ое апреля прот. Виктор Юрьев, проф. В. Н. Ильин и И. В. Морозов совершили миссионерскую поездку в Бельгию, где они прочли ряд докладов в Шарлеруа, Льеже и Брюсселе.

Шарлеруа — фабричный город. Большинство прихожан зарабатывает кусок хлеба тяжелым трудом либо на металлургических заводах, либо в шахтах под землей с постоянной опасностью для жизни. Живут они разбросано. Храм является центром жизни колонии. 10 апреля после Всенощного Бдения состоялись доклады, на которых присутствовало около 35 человек. Прот. Виктор Юрьев прочел о значении Креста Господня в жизни христианина, а проф. В. Н. Ильин — о русской святости. После докладов завязалась живая беседа.

В Льеже большой и сплоченный приход, созданный неустанными трудами настоятеля прихода — протопресвитера В. Роменским. Реальным символом единства прихода является только что построенный прекрасный храм, с замечательным запрестольным образом Толгской иконы Божией Матери. Храм построен усилиями всех прихожан и прежде всего — самого настоятеля.

В день приезда миссии, в воскресенье 11-го апреля, храм был полон молящимися, и что особенно ценно, среди них было много молодежи. На литургии — много причастников. Прекрасно пел хор под управлением опытного регента — Циганкова.

Вечером собралось около ста человек на доклады. Прот. Виктор Юрьев говорил о потерянном нами ныне восприятии литургии, как «тайнства собрания», на котором в первохристианское время каждый из верных приобщался Св. Таин, проф. В. Н. Ильин

о подвиге русских ученых, который они совершали во славу Божию, а И. В. Морозов — об страшной опасности современной технической цивилизации.

12 апреля состоялись доклады в Брюсселе в доме Русского Национального Объединения, организованные усилиями членов Кружка Русской Молодежи. Собралось до 60 человек во главе с благостным преосвященным епископом Георгием Тарасовым. На собрании было много молодежи.

Большую помощь в устройстве лекций оказали еп. Георгий, протопресвит. Валент Роменский, о. Владислав Куликов, О. В. Киприанович и М. А. Саркисян.

ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Публичные лекции.

19 марта, в доме Движения состоялось торжественное собрание, посвященное памяти прот. С. Булгакова (10 лет со дня его кончины). На собрании вступительное слово сказал прот. В. Зеньковский, затем было прочитано два доклада: первый — В. В. Вейдле на тему: «О. Сергий, как человек и писатель», второй — Л. А. Зандером: «Об участии о. Сергия в жизни Движения». Перед началом собрания была отслужена панихида.

4 апреля, в зале Мюзэ Сосиаль, состоялся вечер, посвященный памяти А. С. Хомякова (150 лет со дня его рождения). С докладами выступили диакон А. Буткевич: «Хомяков о миссии России» и прот. В. Зеньковский: «Значение Хомякова в истории русской духовной жизни».

16 апреля, в доме Движения, И. Ф. Мейендорф прочел лекцию: «О жизни Православной Церкви в Финляндии и ее работе с молодежью». И. Ф. Мейендорф совершил в марте месяце двухнедельное путешествие в Финляндию на годовой съезд Финского Православного Движения Молодежи, где он прочел несколько докладов.

Музыкальные вечера.

Два последних музыкальных вечера (14 марта и 11 апреля) были посвящены произведениям Баха, Моцарта, Бетховена и Шуберта. Объяснения к их произведениям, представленным в записи грамофонных пластинок, читал В. И. Поля.

Съезд участников Школы Руководителей Юношеских Организаций.

Школа Руководителей, в которой принимают участие руководители Скаутов, Соколов и Р. С. Х. Д., устроила 3 и 4 апреля 1954 г. в Бьевре двухдневный съезд. На съезде приняло участие 44 человека. Доклады молодых руководителей С. Бурда и И. Чекана, своим глубоким, хорошо продуманным и ясным изложением произвели на всех участников большое впечатление.

Руководители Школы предполагают осенью устроить второй съезд.

Ранние литургии.

Ранние литургии были совершены на третьей неделе Великого Поста 26 марта во Введенской церкви и в день Благовещения Пресвятой

Богородицы, 7 апреля, в грузинском православном храме Св. Нины на 43, рю Франсуа Жерар, Париж 16. В день Благовещения на литургии собралось около 100 человек молящихся и почти все приобщались Св. Таин. На литургии прекрасно пел мужской хор под управлением М. Фортунато. Ранние литургии обычно начинаются в 7 ч. утра и кончаются к 8 часам.

Издание трех служб Страстной Седмицы.

Р. С. Х. Д. выпустило отдельным изданием три службы Страстной Седмицы: последование утрени Святых и Спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа с чтением 12-ти Евангелий, последование вечерни во Святой и Великий Пяток (с выносом Плащаницы), последование утрени во Святую и Великую Субботу (Погребение).

Удобный (карманный) формат, разнообразие шрифтов, объяснение трудных церковно-славянских слов, богослужебные указания делают это издание полезным как для мирян, так и для самих священнослужителей.

Необычайно ценную услугу оказали в деле издания два специалиста по уставу: Ф. Г. Спасский и Н. М. Осоргин.

В Париже, во время Страстной Седмицы, члены Движения продавали издание «Служб» при всех приходах. Благодаря общим усилиям, за одну неделю было продано около 1.000 экз. Особо потрудились в деле распространения служб: Н. Бартенава, С. Бурда, Н. Волохова, О. Грудинская, Ю. И. Демидов, Е. Дистерло, М. Ельчанинова, К. Ельчанинов, Э. Заруба, З. Зиминая, Е. Зубченко, К. Капралова, А. Князева, П. Клепнин, И. В. Морозов, Е. Павлович, Т. Ревенко, Н. Овтрахт, А. Сериков, Н. Струве, П. Струве, А. Терентьев, Д. Шаховской, Е. Фокина, К. Хелстовская.

Съезд Русской Православной Молодежи Западной Европы.

Р. С. Х. Д. устраивает с 5 по 8 июня 1954 г. (на католическую Троицу) Съезд Русской Православной Молодежи Западной Европы на общую тему: «Как быть христианином в современном мире?». На Съезде ожидаются делегаты из провинциальных центров Франции, из Англии, Бельгии, Германии и Швейцарии.

Юношеский Отдел Р. С. Х. Д.

На пасхальных каникулах Юношеским Отделом были организованы: пятидневный лагерь для детей младшего возраста в русском монастыре в Бюсси-ан-От (160 км. от Парижа) и трехдневная экскурсия на велосипедах для детей старшего возраста в Шартр.

Большое впечатление произвела на детей монастырская жизнь: продолжительные службы, трудовая жизнь монахинь. О. Владимир, мать Евдокия (игуменья монастыря) и все сестры оказали детям исключительное гостеприимство.

В Юношеском Отделе наряду с воскресными сборами развиваются и другие формы работы: собрания на частных квартирах, совместные прогулки и поездки (Шартр, Фонтенбло и т. д.).

Горный лагерь.

Р. С. Х. Д. устраивает с 14 июля по 2 сентября 1954 г. горный лагерь в С.-Теофрэ-пар-Лаффраэ (Изэр). Лагерь расположен в 30 км. от

Гренобля вблизи озер, в здоровой местности, на высоте 1.000 метров. Жизнь лагеря протекает в отдыхе, прогулках, экскурсиях. В общую программу лагеря входят — беседы с детьми и молодежью на духовные темы, изучение русского языка и литературы, театральные постановки, пение, спорт, костры.

Цена для детей (от 7 до 18 лет) и для учащейся молодежи — 400 фр в день; для взрослых — 500 фр. Справки и запись у И. В. Морозова на 91, rue Olivier-de-Serres, Paris (15^e), LEC 81-24.

ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ

Работа Р. С. Х. Д. в Нью-Йорке.

Осенью жизнь Движения происходила под знаком присутствия в Нью-Йорке гостей из Парижа. Во второй половине сентября и в начале октября парижские гости посетили Канаду (Монреаль и Торонто), где выступали с докладами.

С конца сентября началась нормальная работа Движения. Был организован студенческий кружок по изучению России XIX-го века; пока состоялось шесть его собраний, посвященных истории России и русской культуры до XIX-го века и времени императора Александра I. В качестве докладчиков удалось привлечь лучших специалистов Нью-Йорка. Возобновил свою деятельность литургический кружок под опытным руководством проф. о. А. Шмемана. Третий кружок посвящен проблеме человека в современном мире. Образовался новый, четвертый студенческий кружок, изучающий Евангелие.

Регулярно ведутся занятия в Воскресной школе и на Гимназических Курсах. В обеих школах учащиеся разделены на четыре класса. В Воскресной школе преподается Закон Божий, русский язык, литература и история.

В день Введения во храм Пресв. Богородицы, Движение праздновало свой праздник. Был отслужен молебен; о. А. Киселев сказал посвященное празднику слово. После чая были показаны фильмы съездов в Прибалтике (еще до войны) и в Америке (этим летом).

25-го ноября хор Движения посетил собрание Христианского Студенческого Движения Нью-Йоркского Университета. Хор под управлением Т. А. Родзянко пел очень удачно. Проф. С. С. Верховской прочитал доклад о православном богослужении. Вторую половину вечера молодежь веселилась в исключительно дружеской атмосфере, царившей между хозяевами и гостями. Намечаются и дальнейшие встречи с христианскими студенческими организациями в Нью-Йорке.

Студенческий хор, организованный для упомянутой встречи, продолжает работать под управлением И. М. Толстого. Оркестр народных инструментов, как и в прошлом году, упражняется под руководством В. М. Петруса.

Клуб Молодежи Движения в День Благодарения устроил традиционный в Америке ужин с индейкой. Во время ужина было сказано слово, объясняющее глубокий смысл этого праздника и его отношение к вновь приехавшим в эту страну людям. Клуб организовал несколько экскурсий в музеи и встречу Нового Года.

По примеру прошлых лет, были устроены две елки, для детей и для молодежи, прошедшие с большим успехом.

В дни Рождества Христова молодежь участвовала в посещении русских одиноких больных в госпиталях.

Редактор: И. В. Морозов. — Directeur responsable P. A. Struve.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Chekhov Publishing House of the East European Fund,
Inc. New York, N.Y., U.S.A.

предлагает русскому читателю сборник статей «Православие в жизни» под редакцией проф. С. Верховского. Сборник состоит из вступительной краткой заметки проф. С. Верховского и двенадцати статей, которые читаются с большим интересом. В сборнике помещены статьи следующих авторов:

- С. Верховской — «Православие и современность».
- Проф. В. Зеньковский — «Вера и знание».
- Свящ. А. Шмеман — «О Церкви».
- Свящ. И. Мелиа — «Малая Церковь».
- Свящ. А. Князев — «Что такое Св. Писание».
- А. Карташев — «Церковь и государство».
- А. Карташев — «Православие и Россия».
- Н. Арсеньев — «Духовные традиции русской семьи».
- Б. Бобринский — «Мо...»
- П...
- С. Верховской — «Хр...
- С. Верховской — «Х...
- Н. Струве — «Велики...

а также книгу Протоиерея
«Ческий путь православия».
истории Восточной Церкви
1917 г. Каждой русской б
сти для своих чита

Все книги Издательства им
содержания, можно полу-
скими книгами, и

4006238 K/c